

ПЕР ЯКОБСЕН

ИГРА ТАЙНОГО САНТЫ



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(О)-44
Я46

Per Jacobsen
25 DAYS

25 DAYS © 2024 by Per Jacobsen. This edition published by arrangement
with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Яковсен, Пер.
Я46 Игра тайного Санты. Смертельный адвент-календарь /
Пер Яковсен. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Ток.
Рождественские убийства).

ISBN 978-5-04-249000-2

Надеясь сплотить семью, Адам Грей устраивает отпуск в уединенной хижине на склонах заснеженной горы. Однако события принимают мрачный оборот, когда кто-то начинает оставлять странные подарки в рождественском чулке, прикрепленном к двери сарая.

Каждое утро приносит что-то новое — и с каждым днем содержимое чулка становится все более ужасающим. Вскоре семья приходит к леденящему душу осознанию: их втянули в безумную игру «Тайный Санта», и если они хотят выжить, им придется бороться изо всех сил. И сотворить настоящее чудо...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(О)-44

ISBN 978-5-04-249000-2

© Голыбина И.,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дорогой читатель,

Эта книга — мой вариант адвент-календаря, и каждый день декабря в ней, до 25-го числа, описывается в новой главе, потому что события в главах разворачиваются в те самые даты.

В идеале я советовал бы читать по главе в день, ведя обратный отсчет до Рождества. Но в конечном итоге выбор, естественно, за вами, и вы можете читать книгу, как вам захочется.

С Рождеством!
Пер Якобсен

*Лучше будь наготове,
Лучше не плачь.*
Хейвен Гиллеспы



1 декабря

АДАМ

Это чистой воды рефлекс. Стоит его слуху уловить первые ноты Мэрайи Кэри «Все, что я хочу на Рождество, — ты», как рука Адама Грея отпускает руль и тянется к регулятору громкости на магнитоле. Но не крутит его. Что-то внутри заставляет Адама, колебавшись, передумать. Возможно, осознание: он единственный из четверых человек в машине обратил внимание на музыку.

В прошлом две девочки на заднем сиденье закричали бы ему врубить звук на полную, а женщина рядом стала бы подпевать с первой же строки, не беспокоясь о том, чтобы попадать в мелодию. А теперь они просто сидят, уставившись в стекло: девочки — в экраны мобильных, а Бет — в боковое окно машины.

В прошлом... Сильно сказано для времен, от которых их отделяют какая-то пара лет. Невероятно,



сколько всего может измениться за такой короткий промежуток.

Машина мчится через вихрь танцующих снежинок, и сосны по обеим сторонам дороги припорошены белым по верх вечнозеленых игл. Как и дорожное полотно, что Адама совсем не радует. А вдруг станет еще хуже? Да, у них в Ньюкресте тоже бывают снегопады, но обычно, стоит им начаться, на улицы сразу выходят снегоочистители.

Вот только сейчас они на севере. Далеко от Ньюкреста и вообще от больших городов. И у Адама стойкое ощущение, что эти глухие проселки, петляющие по лесам Уиллоубенда, не первые по степени важности у местных дорожных служб.

«Но в этом же и был весь смысл, так? — думает он. — Сбежать подальше от всех и качественно провести время вместе, семьей...»

Адам искоса поглядывает на Бет на пассажирском сиденье. Она сидит, подтянув одну ногу к груди и упершись подбородком в колено. Он не видит ее лица, по-прежнему повернутого в сторону; щека в веснушках спрятана за пышным локоном каштаново-рыжих волос. Почти всю поездку она неотрывно смотрит в окно... хотя у Адама такое чувство, что жена не столько любит пейзажем, сколько избегает глядеть на него.

Он переводит взгляд на зеркало заднего вида — ровно в ту секунду, когда старшая дочь зажимает рукой рот, чтобы подавить взрыв хохота.

— Что смешного? — спрашивает Адам.



Эбби вздрагивает, сообразив, что он обращается к ней, и переворачивает телефон экраном вниз, прижимая к бедру, со скоростью потревоженной кобры.

— Ничего, — отвечает она. — Так, кое-что в «ТикТоке».

Адам уже открывает рот, но потом видит в зеркале выражение ее глаз и решает промолчать. Нет смысла затевать сражение, выпрашивая у нее подробности.

Старшая дочь опять погружается в телефон, а Хлоя тем временем на миг отрывается от гипнотического экрана и наклоняется между передними сиденьями:

— Сколько еще ехать?

— Где-то через полчаса будем на заправке, где нас должен встретить хозяин охотничьего домика, — отвечает Адам. — Остаток пути он нас проведет. Не знаю, сколько именно это будет, но вряд ли долго.

— Почему мы не можем встретиться уже там?

Адам разворачивается на сиденье и глядит на нее, задрав одну бровь.

— Потому что это каникулы *на природе*, которые я для нас организовал, — отвечает он. — А когда находишься на природе — в смысле, *по-настоящему*, — GPS может заблудиться.

Он подчеркивает последнее слово, скосив глаза к носу и крутя головой из стороны в сторону, после чего снова переводит взгляд на лобовое стекло. Девятилетняя Хлоя хихикает; ее пятнадцатилетняя сестра нарочито закатывает глаза.



Хотя бы одну из трех он еще может заставить улыбнуться. Лучше, чем ничего. В любом случае именно над этим он и собирался поработать. И очень надеется, что каникулы ему помогут.

Рождественский список желаний Мэрайи Кэри в колонках подходит к концу, звучит отбивка выпуска новостей. Низкий мужской голос произносит:

— Из студии WBCN's в Колмене, с вами Марк Рантер. Приятного вам вечера, а сейчас прослушайте новости. Итак, что же произошло за этот невероятно холодный первый день декабря? Мы начинаем с Гризмонда, где семья с детьми, проснувшись утром, начала рождественский месяц с неприятного и даже пугающего происшествия. Первым леденящее душу открытие сделал отец, выйдя вынести мусор. Он заметил кровавый след, ведущий к дверям гаража. На дверях его ожидало кошмарное зрелище — кто-то повесил...

Щелчок, и звук затихает. Адам опускает глаза и видит пальцы Бет на переключателе радиоприемника. Оттуда его взгляд скользит вверх и встречается с ее.

Она смотрит сердито. Осуждающе.

— Чего? — спрашивает он, кивая на радио. — Это же не я решаю, что говорить в новостях, разве нет?

— Но ты решаешь, *что* твоим дочерям стоит слушать, разве нет?

Адам не знает, что тревожит его больше: слова жены или то, как она их произнесла. Громким шепотом — будто так девочки на заднем сиденье не услы-



шат. Боже, да от нее до них меньше метра. И к тому же она только что выключила радио.

Адам прикусывает изнутри нижнюю губу, но внешне продолжает улыбаться. Что прекрасно, потому что он поклялся себе в эту поездку не спорить с Бет. Он хочет вернуть корабль на прежний курс, а не потопить.

— Я... я вообще-то не слушал, — говорит он. — Голова совсем другим была занята. Но ты права. Прости.

Он глядит на нее, она на него, а потом — *о счастье!* — кивает и откидывается на спинку сиденья. На этот раз катастрофы удалось избежать.

Спустя полчаса неловкого молчания Адам сворачивает на парковку перед заправкой «Эксон» на окраине какого-то Кримзона. Города Кримзон.

Город. Называть Кримзон так — определенно преувеличение. Сколько домов они проехали между билбордами *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КРИМЗОН* и *ВЫ ПОКИДАЕТЕ КРИМЗОН, СЧАСТЛИВОГО ПУТИ?* Десять? Пятнадцать?

— Какой-то гребанный город призраков, — бормочет Эбби на заднем сиденье.

— Следи за языком! — восклицают они оба хором.

Но после короткой паузы Бет наклоняется к Адаму и шепчет:

— И кто научил мелких дерьмушек так выражаться?

Адам чувствует, как его губы растягиваются в улыбке. Отчасти потому, что эта фраза — старая



шутка между ним и Бет, но еще больше потому, что она тоже ему улыбается. В последнее время такое случалось редко. Может, эта поездка — именно то, что им нужно, чтобы наладить отношения...

— Ну а в целом да, ты права, Эбби. Перенаселенным этот Кримзон не назовешь, — отвечает он, позволив взгляду пробежать сначала по навесу над колонками, а потом по фасаду заправочного павильона. То и другое будто из прошлого века: изнанка заснеженной крыши ржавая, краска потрескалась, витрины не мыли, кажется, с тех пор, как Клинтон сидел в Белом доме.

— Похоже, мы приехали первыми, — говорит Адам, поворачиваясь к девочкам на заднем сиденье. — Как насчет пойти внутрь посмотреть, не торгуют ли тут конфетами?

Их реакция одновременно неожиданная и обидная: обе морщат носы и пожимают плечами, не потрудившись даже оторваться от мобильных телефонов.

— Да что не так с их поколением? — бормочет он, обращаясь к Бет. — В их возрасте я выкинул бы младшего брата из машины за пачку «Скитлз».

Она снова улыбается, и Адаму кажется, что в его легкие после долгого удушья наконец-то начал проникать кислород.

— Ну, если ты все равно идешь, — говорит Эбби, — я не отказалась бы от колы.

— И я тоже! — вторит сестре Хлоя.

Адам косится на Бет, и та едва заметно кивает.



— Ваше желание для меня закон, ваши величества, — шутит он, театрально кланяясь девочкам и вылезая из машины. — Прошу, сидите и позвольте мне принести вам колу. Нельзя, чтобы вы напрягали ноги после такой длинной поездки, не правда ли?

Снег похрустывает у него под ногами, воздух по-прежнему полон танцующих снежинок. Время от времени одна из них оседает на щетине у него на подбородке и превращается в капельку ледяной воды, которая, сбегая по шее, заставляет Адама ежиться.

Датчик движения на стене засекает его присутствие, стеклянные двери разъезжаются в стороны, и помещение за ними оказывается ровно таким, как и ожидал Адам. Там полутемно, лампа дневного света на потолке перегорела, и никто не потрудился ее заменить. Чуть ли не все полки припорошены тонким слоем серой пыли. Кафель на полу тоже грязный; несколько плиток расшатались и трещат под ботинками Адама, пока он идет к прилавку у дальней стены.

За прилавком кассир болтает с единственным посетителем — огромным мужчиной в комбинезоне. Тот держит газету, свернутую в трубку, в кулаке, одним ударом которого можно запросто раскрошить бильярдный шар.

Адам рассматривает вращающуюся стойку со сладостями в разноцветных упаковках и подходит к холодильнику у левой стены. Он небольшой, две полки почти пустые, но то, что Адаму нужно, все-таки есть: бутылка воды и две банки колы. Он подносит



их к прилавку, где кассир, развернувшись к нему спиной, крепит на стену постер с сонным мужчиной за рулем и напоминанием, что на заправке за два доллара предлагается свежесваренный кофе.

Громила в комбинезоне тем временем начинает читать газету. Стоит он прямо перед кассой — и никуда не сдвигается, даже когда Адам встает за ним и покашливает.

— Прошу прощения, сэр. Вы в очереди?

Мужчина поднимает голову и щурится на него. Потом — медленно — проводит языком по передним зубам, отчего у него приподнимается верхняя губа.

— А похоже?

На секунду ответ прямо-таки парализует Адама: он не может найти слов, не говоря уже о том, чтобы произнести их. Тот факт, что мужчина вблизи еще огромное, тоже мало помогает.

— Я... хм... нет. Просто... ну, вы читаете газету и...

— А что, нельзя, что ли? Или вы считаете, что такой невежа, как я, *вообще* не умеет читать? Так, что ли?

— Я... что? Нет, я просто подумал, что вы, вероятно, не в очереди, раз читаете...

— Ладно тебе, Сэм, — вмешивается кассир из-за прилавка. Старику, похоже, не впервой выручать проезжих от постоянного посетителя. — Этот бедняга думает, что ты всерьез. А у меня, как видишь, клиентов не то чтобы пруд пруди. Продолжишь их отпугивать — вообще никого не останется.

Великан в комбинезоне ухмыляется, глядя на кассира, и закатывает глаза. Потом опять разворачива-



ется к Адаму и внимательно его разглядывает, снова водя во рту языком. Его губы размыкаются, открывая ряд зубов, желтых от курева.

— Мы тут любим малость попугать чужаков, — говорит он, как будто это все объясняет и оправдывает. — Особенно городских недотеп.

Ясно. Очень смешно. Тебя еще не пригласили в стендап-шоу?

Несмотря на такие мысли, Адам просто кивает и изображает сдержанную улыбку.

Здоровяк отступает от кассы, и Адам протискивается мимо него. От вони пота и моторного масла к горлу подкатывает тошнота. К счастью, мужчина не остается у Адама за спиной: свернув газету, он направляется к выходу.

— Что-нибудь еще? — спрашивает старик за кассой.

Адам качает головой:

— Нет, это все, спасибо.

Кассир кивает и стучит костлявым пальцем по дисплею, где загораются сумма.

— Четыре двадцать, — говорит он и, пока Адам ищет в кошельке мелочь, тянется к нему через прилавок, шепча: — Не обращайтесь внимания на Сэма. Он лает, но не кусает.

— Всё в порядке, — говорит Адам с натянутой вежливой улыбкой.

— Сэм всегда был малость чудной, — продолжает старик. — Да и неудивительно: он всю жизнь живет с матерью. *Всю жизнь*, представляете себе?